

Фр 386
259

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ РУДАКИ

На правах рукописи

БЕРДИЕВ Бахрон

РАМИТСКИЕ ГОВОРЫ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

10.02.02 - Языки народов СССР

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Душанбе - 1979

1
Государственная
библиотека
им. В.
19

Работа выполнена в Отделе истории таджикского языка и лингвистики Института языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР.

Научный руководитель -

кандидат филологических наук Р. ТАДЖАРОВ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОЦЕНОЧНЫЕ:

Доктор филологических наук, профессор А.Л. ХРОМОВ

Кандидат филологических наук Т. МАКСУДОВ

Ведущее учреждение - Душанбинский государственный педагогический институт им. Т.Г. Шевченко.

Защита состоялась _____ на заседании специализированного совета Д 013.06.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР (734025, Душанбе, пр. Ленина, 21).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языка и литературы.

Автореферат разослан " _____ " _____ 1979 г.

Ученый секретарь специализированного совета,
доктор филологических наук

Л.И. ДЕМИДЧИК
Л.И. ДЕМИДЧИК

Актуальность исследований. Современный этап развития таджикской диалектологии характеризуется значительным количеством материалов и исследований, посвященных монографическому описанию большинства народных таджикских говоров.¹ Результаты этих исследований предоставили возможность создания углубленных обобщающих трудов, в которых таджикские говоры рассматриваются в сравнительном плане, прослеживаются пути формирования их в историческом развитии, а также разрабатываются вопросы их классификации.² При сравнительном обобщающем исследовании, ставшем основой группировки говоров таджикского языка, выяснилось, что говоры ряда районов, заселенных таджиками, либо изучены недостаточно, либо вовсе не изучены. Вследствие этого, они не могли быть представлены в разработанной классификации и являются теми недостающими звеньями, без которых трудно более точно установить размещение ареалов диалектных явлений, определяющих комплексы языковых признаков выделяемых диалектных групп. К числу именно таких, не изученных ранее говоров, относятся таджикские говоры Рамита, являющиеся предметом данного исследования.

Целью и основной задачей данного исследования является синхронное описание фонетической и грамматической системы, а также особенностей лексики говоров исконных жителей Рамита, причем основное внимание в исследовании уделяется изложению диалектных черт, которые наиболее ярко проявляются в исследуемых говорах. Наряду с осуществлением основной задачи исследования в работе рассматриваются вопросы более общего характера, связанного со спецификой исторических условий формирования рамитских говоров таджикского языка, а также с происхождением основных локальных таджикоязычных групп населения изучаемого района.

- 1 Наиболее полный обзор опубликованных работ по таджикской диалектологии, охватывающий период с 1861 по 1960 гг., содержится в статье В.С. Расторгуевой "Изучение таджикского языка в СССР" *Очерки по истории изучения иранских языков*. М., 1962, с. 38-41, 43, 45-56. См. также С. Масъалаҳои шеваиносии тоҷик, в. I, Душанбе, 1970, с. 275-289.
- 2 Расторгуева В.С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. "Наука", М., 1964; Розенфельд А.З. Система глагола юго-восточных говоров таджикского языка. АДД, Л., 1966; Коллектив. Шевахои ҷанубии забони тоҷикӣ (проект), Душанбе, 1973; Коллектив. Шевахои ҷанубии забони тоҷикӣ (ҷамъбасти илмӣ), тт. 1, 2, 3, 4, 5 подготовлены к изданию, тт. 1, 2, 3 находятся в печати.

Источники исследования. Основой для написания данной работы явились материалы, собранные нами в экспедициях, организованных Институтом языка и литературы Академии наук Таджикской ССР, и во время отдельных поездок в район распространения изучаемых говоров. Пунктами стационарной работы и сбора полевых материалов были селения: Рамит, Вистан, Сорво, Кади Об, Сафёд.

Основное внимание при сборе материала уделялось разговорной речи, записи которой велись в непринужденной обстановке повседневной жизни.

При написании работы, в целях установления места рамитских говоров в общей системе говоров таджикского языка, были использованы материалы диалектологических экспедиций в различные районы Таджикистана (Куляб, Каратагин, районы Гиссара, Ягноб), непосредственным участником которых являлся автор.

Научное и практическое значение работы. Реферлируемое исследование, представленное в качестве диссертации, впервые вводит в научный обиход материалы ранее не изученных говоров. Впервые дана детальная характеристика фонетической системы, грамматического строя и лексики языка исконных жителей горного историко-культурного района Центрального Таджикистана - Рамита, расположенного на стыке двух исторических государств древности - Согды и Бактрии.

Результаты углубленного исследования рамитских говоров свидетельствуют, что, во-первых, говоры Рамита формировались в условиях длительной изоляции и относительно мало подвергались иноязычным влияниям (в частности влиянию диалектов и языков племен и народов тюркского происхождения). В силу этих условий в данных говорах сохранилось много архаических черт, характерных для таджикского языка раннего и среднего периодов. Во-вторых, в рамитских говорах, особенно в лексике и топонимике, довольно prominently выявляются восточноиранские элементы (свойственные и поныне функционирующим восточноиранским языкам - ягнобскому, памирским), что наглядно обнаруживает общность изучаемых говоров с центральными, в частности, верхнезеравшанскими таджикскими говорами. В-третьих, наличие особых черт, характерных

именно для рамитских говоров и создающих своеобразие последних, как переходных типов народных говоров, позволяет выделить их в особую группу говоров переходного типа.

Работа и ее результаты могут послужить научным обоснованием и материалом при разработке теоретических вопросов таджикской диалектологии, связанных с проблемами классификации диалектов и установления типов переходных таджикских говоров.

Практическое значение представленной диссертации определяется тем, что она может быть использована при разработке вузовского пособия по курсу таджикской диалектологии³ и при создании атласа диалектов таджикского языка.

Апробация работы. Диссертационная работа положительно оценена на расширенном заседании Отдела истории таджикского языка и диалектологии, на Секции языкознания Ученого совета Института языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР. В 1976 году работа была обсуждена членами кафедры таджикского языка и литературы Кулябского Педагогического Института им. А. Рудаки и единогласно была рекомендована к защите.

Основные разделы диссертации отражены в 5 статьях и были доложены на первой научно-теоретической конференции молодых ученых Таджикистана, посвященной 50-летию основания СССР (1972), а также на республиканской конференции молодых ученых и специалистов Таджикской ССР (1974 г.).

Объем работы. Диссертация состоит из трех глав и заключения. Объем рукописи (исключая библиографический список литературы и приложения) составляет 178 страниц машинописи.

Содержание работы

Во введении дается обоснование актуальности избранной темы диссертации, приводятся общие географические и экологические сведения о районе исследования, некоторые историко-этнографические

³ Материалы рамитских говоров, частично опубликованных, нашли свое применение в имеющихся пособиях по таджикской диалектологии и этнографических трудах. См. М. Эшниезов. *Нашгулиятҳои амалӣ аз шеваҳои тоҷик*. Душанбе, 1969, с. 232-233. *его же: Диалектологияи тоҷик (дастури амалӣ)*, қисми якум. Душанбе, 1977, с. 51; Б. Х. Каримов. *Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана*. М., "Наука", 1976, с. 62.

Источники исследования. Основой для написания данной работы явились материалы, собранные нами в экспедициях, организованных Институтом языка и литературы Академии наук Таджикской ССР, и во время отдельных поездок в район распространения изучаемых говоров. Пунктами стационарной работы и сбора полевых материалов были селения: Рамит, Вистан, Сорво, Кади Об, Сайёд.

Основное внимание при сборе материала уделялось разговорной речи, записи которой велись в непринужденной обстановке повседневной жизни.

При написании работы, в целях установления места рамитских говоров в общей системе говоров таджикского языка, были использованы материалы диалектологических экспедиций в различные районы Таджикистана (Куляб, Каратегин, районы Гиссар, Ягноб), непосредственным участником которых являлся автор.

Научное и практическое значение работы. Реферируемое исследование, представленное в качестве диссертации, впервые вводит в научный оборот материалы ранее не изученных говоров. Впервые дана детальная характеристика фонетической системы, грамматического строя и лексики языка исконных жителей горного историко-культурного района Центрального Таджикистана - Рамита, расположенного на стыке двух исторических государств древности - Согда и Бактрии.

Результаты углубленного исследования рамитских говоров свидетельствуют, что, во-первых, говоры Рамита формировались в условиях длительной изоляции и относительно мало подвергались иноязычным влияниям (в частности влиянию диалектов и языков племен и народов тюркского происхождения). В силу этих условий в данных говорах сохранилось много архаических черт, характерных для таджикского языка раннего и среднего периодов. Во-вторых, в рамитских говорах, особенно в лексике и топонимике, довольно prominently выявляются восточноиранские элементы (свойственные и поныне функционирующим восточноиранским языкам - ягнобскому, памирским), что наглядно обнаруживает общность изучаемых говоров с центральными, в частности, верхневеравшанскими таджикскими говорами. В-третьих, наличие особых черт, характерных

именно для рамитских говоров и создающих своеобразие последних, как переходных типов народных говоров, позволяет выделить их в особую группу говоров переходного типа.

Работа и ее результаты могут послужить научным обоснованием и материалом при разработке теоретических вопросов таджикской диалектологии, связанных с проблемами классификации диалектов и установления типов переходных таджикских говоров.

Практическое значение представленной диссертации определяется тем, что она может быть использована при разработке вузовского пособия по курсу таджикской диалектологии³ и при создании атласа диалектов таджикского языка.

Апробация работы. Диссертационная работа положительно оценена на расширенном заседании Отдела истории таджикского языка и диалектологии, на Секции языковедения Ученого совета Института языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР. В 1976 году работа была обсуждена членами кафедры таджикского языка и литературы Кулябского Педагогического Института им. А. Рудаки и единогласно была рекомендована к защите.

Основные разделы диссертации отражены в 5 статьях и были доложены на первой научно-теоретической конференции молодых ученых Таджикистана, посвященной 50-летию основания СССР (1972), а также на республиканской конференции молодых ученых и специалистов Таджикской ССР (1974 г.).

Объем работы. Диссертация состоит из трех глав и заключения. Объем рукописи (исключая библиографический список литературы и приложения) составляет 178 страниц машинописи.

Содержание работы

Во введении дается обоснование актуальности избранной темы диссертации, приводятся общие географические и экономические сведения о районе исследования, некоторые историко-этнографические

³ Материалы рамитских говоров, частично опубликованных, нашли свое применение в имеющихся пособиях по таджикской диалектологии и этнографических трудах. См. М. Эшчиезов. Машгулиятҳои амалӣ аз шеваҳои тоҷик. Душанбе, 1969, с. 232-233. Его же: Диалектологияи тоҷик (дастури амалӣ), қисми якум. Душанбе, 1977, с. 51; Б. Х. Каримов. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М. "Наука", 1976, с. 62.

данные о происхождении и сложении таджикского населения Рамита, а также общая характеристика и классификация рамитских говоров таджикского языка.

Рамит — район распространения исследуемых говоров — расположен в северо-восточной части Гиссарской долины, в бассейне потоков и верховьев р. Кафирниган, на пространстве между тремя горными хребтами: Гиссарским, Зеравшанским и Каратегинским. До революции Рамит (район) являлся одним из отдаленных горных амлокорств Гиссарского бекства, входившего в состав Бухарского ханства.

В год начала исследования (1961) в Рамите было 58 селений, население которых составляло примерно 4000 человек. Основными занятиями жителей Рамита издавна являются земледелие, садоводство и скотоводство. В настоящее время на значительной территории Рамита раскинулся горно-лесной заповедник союзного значения.

Жители северной и центральной части Рамита считают себя исконными рамитцами и называют себя кӯхистонӣ (горцы), ромитии тагҷой (исконные рамитцы), говоры их, составляя особую группу, характеризуются рядом признаков. Селения, расположенные в южной и юго-восточной частях Рамита, заселены давними выходцами из Куляба, называющими себя кӯлобӣ (кулябцы), и Каратегине, известными под названием каротигинӣ (каратегинцы), говоры их, хотя и претерпели некоторые изменения, но все еще сохраняют свой традиционный южный тип.

На территории, заселенной исконными рамитцами, распространены два рамитских говора: говор Вистак и говор Сорво. Первый из них распространен в северной части изучаемого района в селениях, расположенных в уезде Вистак. Говор Вистак в целом относительно однороден. Исключения представляют селения Гускеф, Арху и Дашти-Навор, в языке жителей которых наблюдаются некоторые отличия внутриговорного характера. В диссертации они характеризуются как подговора.

Говор Сорво бытует в селениях, расположенных в Верховьях р. Кафирниган и некоторых селениях южной и юго-восточной части Рамита.

Одним из существенных отличий говора Сорво от говора Вис-

тана, которое, возможно, с течением времени будет все более углубляться и развиваться, обусловлено взаимовлиянием говора Сорво и соседних с ним южных говоров (распространенных на территории Рамита). Вследствие постоянных контактов, поскольку в некоторых селениях рамитцы живут попеременно с выходцами из Куляба и Каратегина, в говоре Сорво чрезвычайно распространена вариантность конструкций и форм, имеющих параллельное употребление. Эти наблюдения над говором Сорво могут быть полезны как материал для дальнейшей лингво-социологического изучения говоров нового типа, сформировавшихся в результате взаимовлияния говоров, как близких по системе и структуре, так и разносистемных. В современных условиях образования новых укрупненных экономических районов социалистического Таджикистана с неоднородным в диалектологическом отношении таджикским населением идет процесс стирания специфических черт, присущих каждому из диалектов, и усиливаются предпосылки к сочетанию разнодиалектных черт, что с течением времени может привести и уже приводит к формированию говоров нового образования.

Глава первая. Ф О Н Е Т И К А

Г л а с н ы е. В рамитских говорах, в отличие от таджикских говоров Гиссара, с которыми они имеют ряд общих черт и связаны территориально,⁴ вокализм представлен семью фонемами, из них гласные: а, и, у - неустойчивые, а̄, ӣ, е̄, ӯ, о̄ - устойчивые. С этой точки зрения рамитские говоры сближаются с верхнезеравшанскими, в которых также семь гласных фонем и соотношения их в количественном отношении сходны с рамитскими говорами.⁵

Изучение состава вокализма рамитских говоров сравнительно с литературным языком выявляет следующие основные характерные для рамитского вокализма особенности: I) отсутствие в рамитских говорах гласного ӯ (у - заджгульного), являющегося продолжением

⁴ Расторгуева Т.С. Очерки по таджикской диалектологии, вып. I, Карзобский говор таджикского языка. М., 1952, с. 24-25; Успенская Л.В. Говоры таджиков Гиссарского района. Душанбе, 1962, с. II-12 и 14-18; ее же: Каратегинский говор таджикского языка. Душанбе, 1958, с. II-13.

⁵ Арамов А.Л. Говоры таджиков Матчинского района. Душанбе, 1962, с. 17.

исторически долгого ī; 2) наличие в рамитском вокализме противопоставляющейся в количественном отношении (по степени устойчивости в открытом безударном слоге) пары гласных ī - неустойчивого (краткого) и ī̄ - устойчивого (долгого); 3) иной исторический путь развития гласных заднего ряда, в результате которого в рамитских говорах образовались огубленные гласные заднего ряда ū̄ (устойчивый) и ū̄̇ (неустойчивый), из них первый соответствует у с и у исторически долгому, а у - исторически краткому у, в отдельных словах исторически долгому у, а в определенных фонетических условиях у - мажгульному

Фонемы ī, ī̄ - переднего ряда верхнего подъема, неогубленные. Отчетливое противопоставление этих двух гласных выявляется по их количественному признаку в одном фонетическом положении: в открытом безударном слоге. В изолированном произношении и под ударением ī̄ (неустойчивый) на слух воспринимается как звук более открытый, чем ī: дид 'сердце', чид 'сорок', гирд 'круг', мисид 'бедный'.

Фонема ī̄ - неустойчивый гласный в безударном открытом слоге подвергается сильной редукции, особенно этому способствует окружение глухих согласных и положение перед среднеязычным ɟ: пиджак 'кочка', пидов 'лук'. В определенных фонетических условиях ī̄ значительно расширяется и по звучанию сближается с закрытым вариантом ɛ. Данный вариант ī̄ выявляется: а) в соседстве с сонантами в открытом безударном слоге: мидат или медат 'нация', имон или эмон 'вера'; б) в закрытом безударном слоге и под ударением: тинч или тэнч 'спокойно', сатид или сател 'ведро', факир или факер 'подданный, бедняк'; в) в исходе слова под ударением в открытом слоге: Зиди или Зиде (название кишмяжа), мани или мане 'значения'.

Фонема ī - устойчивый гласный, сохраняющий в открытом безударном слоге свое качество и длительность. В рамитских говорах, как и в ряде таджикских говоров северной группы, гласный ī представляет реликтовую фонему с узким кругом употребления. Произношение долгого устойчивого ī в открытом безударном слоге обнаружено в следующих словах: эйрэ 'тмин', хирэ 'тусклый', сэван (горшочек в детской колыбели), гирэ 'плач', о́йно 'эрячий', о́йро 'жаренный'.

мйроо 'наследство', айрав (потолочная балка), бйва 'вдова'.⁶

Помимо этого в рамитских говорах комбинаторно, перед фарингальными, как известно, удлиняющими предыдущие гласные, й соответствует литературному э, что наблюдается как под ударением, так и в безударных слогах: в открытом слоге: дй - лит. дох 'селение', чйра - лит. чехра 'лицо, облик', перед этимологическим э: ймэт - лит. немыт 'благо', вэй - лит. васей 'широкий', в закрытом слоге: зйи - лит. зохи 'разум'.

Фонема э - устойчивый гласный переднего ряда среднего подъема неоглубленный. По своему звучанию в различном фонетическом окружении не изменяется также, как литературное э: беда оено, цешин 'полдень', серкёр 'занятой'. В отношении словарного распространения полного соответствия этой фонеме в рамитских говорах литературному языку нет. В ряде слов, как об этом говорилось выше, литературный э соответствует и, й.

Фонема я - неустойчивый гласный переднего ряда нижнего подъема, неоглубленный. Сравнительно с гласными переднего ряда и, э фонема я несколько отодвинута назад: пахтэ 'вата', цесак 'рубанок', даст 'рука', дар 'дверь'. Особенностью фонемы я в рамитских говорах можно считать ее крайнюю неустойчивость в открытом безударном слоге: фатир 'лепешка', сафед 'белый', нахут 'горох'. Редукция безударного я в рамитских говорах - явление весьма интенсивное и продуктивное, оно распространяется и на заимствованные слова: парухут 'пароход', работчик 'рабочий', малакó 'сгущенное молоко'. Наиболее сильно редуцируется фонема я в указанном фонетическом положении перед огласным р: дара 'ущелье', дарашш 'шило', хараки 'едущий на осле', кэрахт 'остолбеневший'. Данный вариант фонемы я характеризуется утратой качественной определенности гласного. Как качественная, так и количественная характеристика фонемы я в рамитских говорах обнаруживает в этом отношении сходство с верхнезеравшанскими, относящимися к центральной группе таджикских говоров,⁷ а также с гиссарскими: варзобским, каратагским, горно-гиссарским.

⁶ См. Соколова В.С. Фонетика таджикского языка. М.-Л., 1949, с.77.

⁷ Хромов А.Д. Говоры таджиков матчинского района... с.20; Керимова А.А. Особенности говора кишлака. Парзв. Иранский сборник, М., 1963, с. 24.

относящимся к северной группе.⁸

Фонема \bar{y} - устойчивый гласный заднего ряда верхнего подъема, огубленный, в зависимости от фонетических условий не сокращается и сохраняет свое качество. Гласный \bar{y} соответствует литературному \bar{y} (вои маджгул- \bar{y}) во всех позициях, за исключением позиции перед фарингальными: $\bar{r}\bar{y}\bar{v}$ 'день', $\bar{k}\bar{y}\bar{r}$ 'слепой', $\bar{r}\bar{y}$ 'лицо', $\bar{o}\bar{y}\bar{v}\bar{a}\bar{n}$ 'игла', $\bar{a}\bar{m}\bar{o}\bar{y}\bar{r}$ 'щипцы', $\bar{p}\bar{y}\bar{s}\bar{t}$ 'кожа', $\bar{k}\bar{y}\bar{z}\bar{a}$ 'кувшин'. Гласный \bar{y} закономерно соответствует o перед носовыми согласными: $\bar{n}\bar{y}\bar{m}$ 'ном' 'имя', $\bar{o}\bar{y}\bar{m}$ 'бом' 'крыша', $\bar{s}\bar{h}\bar{y}\bar{n}\bar{a}$ 'шона' 'гребень'. Следует отметить, что закономерно данное явление в говоре Сорво, в говоре Вистана \bar{y} соответствует o лишь в некоторых словах.

Фонема \dot{y} - неустойчивый гласный заднего ряда верхнего подъема, несколько продвинутый вперед, более сильно огубленный, чем \bar{y} переднего ряда той же степени подъема верхнеэвразийских говоров. В речи фонема \dot{y} проявляется в нескольких вариантах, характеризующихся как качественными, так и количественными признаками.

В открытом безударном слоге выявляются два варианта: а) в словах с этимологически кратким \bar{y} гласный \dot{y} сильно сокращается, утрачивая свою качественную определенность, как в окружении глухих согласных или после них: $\bar{k}\bar{y}\bar{c}\bar{h}\bar{y}\bar{n}$ 'щенок', $\bar{p}\bar{y}\bar{s}\bar{h}\bar{o}\bar{m}\bar{y}\bar{n}$ 'раскаивающийся', $\bar{s}\bar{h}\bar{y}\bar{m}\bar{o}$ 'вы', $\bar{m}\bar{y}\bar{s}\bar{o}\bar{f}\bar{i}\bar{r}$ 'путник', так и в окружении звонких: $\bar{k}\bar{y}\bar{r}\bar{y}\bar{v}$ 'ложь', $\bar{r}\bar{y}\bar{d}\bar{y}$ 'горло'; тот же вариант выявляется в словах с этимологическим \bar{y} (восходящим к среднеиранскому \bar{o}): $\bar{k}\bar{y}\bar{t}\bar{a}$ - лит. $\bar{k}\bar{y}\bar{t}\bar{o}\bar{x}$ 'короткий', $\bar{p}\bar{y}\bar{s}\bar{t}\bar{a}\bar{k}$ - лит. $\bar{p}\bar{y}\bar{s}\bar{t}\bar{a}\bar{k}$ 'шкура, служащая подстилкой'; б) в словах с этимологически долгим \bar{y} гласный \dot{y} сохраняет свое основное звучание и не редуцируется: $\bar{t}\bar{y}\bar{t}\bar{a}$ 'флейта', $\bar{d}\bar{y}\bar{d}\bar{a}$ 'сажа', $\bar{x}\bar{y}\bar{o}\bar{b}$ 'доброта', $\bar{s}\bar{y}\bar{d}\bar{a}$ 'стертый', $\bar{s}\bar{y}\bar{r}\bar{a}\bar{t}$ 'картина' (Вистан).

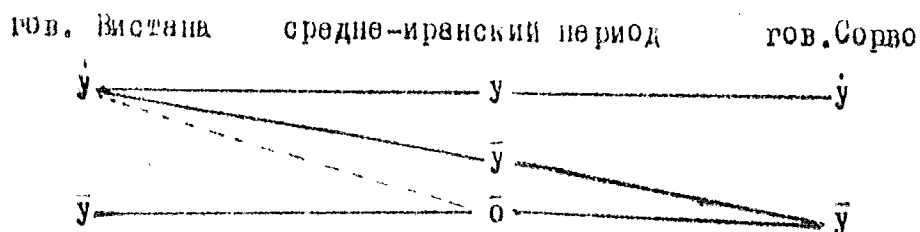
В закрытом безударном слоге и под ударением после увулярных и фарингальных согласных гласный \dot{y} слегка ослабляет огубленность и, отодвигаясь назад, приобретает звучание, сходное с гласным \bar{y} , свойственным южным говорам: $\bar{x}\bar{y}\bar{l}\bar{o}\bar{b}$ 'садовая мята', $\bar{x}\bar{y}\bar{n}\bar{e}$ (помещение на лоток), $\bar{r}\bar{y}\bar{m}$ 'парод на рогах горной серны', $\bar{k}\bar{y}\bar{-m}$ 'я сам'. По соседству с переднеязычными согласными, под уда-

⁸ Рафторгуева В.С. Очерки..., вып. I, с. 24-25, Успенская Л.В. Каратагский говор..., с. 8-10, ее же: Говоры таджиков гиссарского района, с. 11-12 и 14-18.

рением гласный \bar{y} продвигается вперед и по звучанию сходен с \bar{y} переднего ряда, характерного для верхнезеравшанских говоров: т \bar{y} 'ты', д \bar{y} 'два', м \bar{y} ш 'мышь', м \bar{y} рг 'курица', м \bar{y} рдан 'умирать'.

Между говорами Вистана и Сорво наблюдаются некоторые отличия, связанные с развитием и употреблением фонемы \bar{y} . В говоре Вистана фонема \bar{y} отражает исторически краткое y и в определенных фонетических условиях исторически долгие \bar{y} и \bar{o} . В говоре Сорво фонема \bar{y} отражает исторически краткое y , исторически долгий \bar{o} перед фарингальными.

Схематически исторические соответствия гласных заднего ряда \bar{y} , \bar{y} можно представить в следующем виде:

Фонема \bar{o} — гласный заднего ряда, среднего подъема, огубленный. Как и в литературном таджикском языке, в рамитских говорах фонема \bar{o} , восходя к исторически долгому \bar{o} , устойчива, и в зависимости от фонетических условий даже в беглой речи всегда сохраняет свою качественную окраску: дод \bar{o} 'отец', овн \bar{o} ч, 'кожаный мешок', дол \bar{o} н 'веранда', ширп \bar{o} л \bar{o} 'сито для процеживания молока', боб \bar{o} 'дедушка' и др.

С о г л а с н ы е. Консонантизм рамитских говоров сходен с консонантизмом южных и центральных таджикских говоров. Он представлен следующими 25-ю фонемами: б, п, м, н, в (w), ф, д, т, ч, ч, в, с, ж, ш, л, р, й, г, к, к, х, г, х (z), z.

Верхнефарингальные фонемы χ и ξ в рамитских говорах используются также, как и в южных,⁹ центральных говорах¹⁰ и в вар-

⁹ Немецова Г. Л. Кулибские говоры таджикского языка (северная группа), Сталинабад, 1956, с. 18; Ровинфельд А. Э. Говоры Каратегина. Сталинабад, 1960, с. 7-8.

¹⁰ Хромов А. Л. Говоры таджиков матчинского района..., с. 26-27; Кавришова А. А. Особенности говора в кишлаке Рарва..., с. 24.

зобско-гиссарском диалекте северной группы.¹¹

Специфика рамитских говоров обнаруживается в фонетических явлениях, характерных для системы гласных и согласных изучаемых говоров. Таковы закономерные соответствия у о (перед носовыми согласными) бӯм-бом 'крыша' (Сорво); фонетические чередования, например, переходы исходных у, и в а: зона<зону 'колени', зора < зори 'горючий'; типы стяжений согласных и гласных, ассимиляция и диссимиляция звуков и другие явления, которые детально анализируются в диссертации.

Ударение. Характерная черта говора Вистаян выявляется в том, что на общем фоне традиционного закреплённого места ударения на последнем слоге, в глагольных префиксальных формах на префикс ме-, в этом говоре, особенно в речи жителей селений верховьев р. Садаи Миёна, в глагольных формах настоящего-будущего времени ударение падает на предпоследний слог, на основу глагола: мекорӯм 'я сою', мендӯзем 'мы сыглем (кладём)', мере́за 'лется'. А.Л. Хромов полагает, что данное явление в верхневеравшанских говорах объясняется влиянием субстрата.¹² Ударение на первом или на втором предударном слоге засвидетельствовано также в ряде топонимических наименований: Кишо, Йонка, Зото, Гарипод, Писканте и др.

Глава вторая. М О Р Ф О Л О Г И Я

Имя существительное. Категория множественного числа имен существительных в рамитских говорах выражается посредством диалектных фонетических вариантов тех же суффиксов, что употребляются повсеместно в таджикском языке и его диалектных разновидностях: -хо, -о, -оо и -ю // -во и -ову, -от // -ют: фонахо 'клинья', саиго 'камни', хончо 'дома', тоқию 'тыбетояки', хешон 'родственники', мазорог 'изавры', боғийот 'сады, местность, изобилующая садами', окуво 'горные серны', бахгон 'птенцы'. Появление вариантов -ю -во связано с характером исходного звука, к которому присоединяется суффикс множественного числа; -во иногда может быть вариантом

¹¹ Расторгуева В.С. Очерки..., вып. I, с. 27-28; Успенская Л.В. Каратагский говор..., с. 16.

¹² Хромов А.Л. Историко-лингвистическое исследование Ягноба и Верхнего Веравшана. АДД, Душанбе, 1970, с. 56-67.

суффиксом -он: оҳуҷо (лит. оху+вои) 'горные сарни', авруҷо (лит. ав-ру+вои) 'брови'.

Круг употребления суффиксов -он в рамитских говорах представляется более ограниченным, чем в литературном языке и некоторых других говорах,¹³ но вместе с тем возможно допустить в отдельных случаях, что варианты -о//йо и вариант -о не что иное, как усеченные формы суффикса -он. В рамитских говорах некоторые имена существительные употребляются параллельно как с суффиксом -он, так и с вариантами -о//йо: а) в повседневной речи: ҳешон // ҳешо 'свой, родные', дӯстон // дӯсто 'друзья'; б) в топонимах: Нӯҳочи-рон // Нӯҳочиро букв. 'переселенцы' (название населенного пункта), Дарӣ Хирсон // Хирсо (название ущелья). Иногда суффикс -он в топонимах присоединяется к именам неодушевленным, обозначающим названия растений: Рамон букв. 'тополя' (назв. селения), Дарайи Келкон 'ущелье тростника',¹⁴ Дарӣ Рамон букв. 'ущелье виноградных лоз'.

Одной из особенностей, отмеченных в говоре Вистан, является выражение множественного числа некоторых имен существительных удвоенным способом, посредством одновременного использования двух суффиксов: давҳон 'губи', мардхон 'мужчины', заноно 'женщины': Мардхон шикор марафтаи, заноно дӯххона' (ДМ.).¹⁵ Мужчины ходили на охоту, а женщины на лотожку'. О двойном множественном числе в некоторых северных таджикских говорах, в частности в Чусте и в Аште, сведения в литературе имеются.¹⁶

Суффикс, выражающий множественное число -от/-ют употребляется не только со словами арского происхождения: мазорот 'мазары', тарихот 'исторические события', но и с таджикскими именами существительными: боғот 'сады, местность, изобилующая садами',

¹³ Чалолов О.Ч. Категории чамъ ва баъзе масъалаҳои забони ҳозираи тоҷик. Сталинобод, 1961, с. 5-38.

¹⁴ Келк - название тростникового растения.

¹⁵ В скобках приводятся условные сокращения названий селений: Арху (А.), Вистан (Вис.), Дехнир (Д.), Дашти Мазор (ДМ.), Коху (Кох.), Лангар (Лан.), Пишандоч (П.), Сорво (Сор.), Соне (Сон.), Валтуч (В.), Цада 36 (ЦО.), Сайед (Сд.), Ромит (Р.) и др.

¹⁶ Чалолов О.Ч. Указ. соч., с. 30. Расторгуева Е.С. Очерки..., вып. II, с. 41. Умаркулов Х. Шевахой тоҷикони райони Бойсун, Душанбе, 1961, с. 66.

чондор+и+иот 'живность'. Как и в литературном языке, в рамитских говорах заимствованный арабский суффикс -от выражает не только членимое множество, но, главным образом, собирательное значение.

В рамитских говорах засвидетельствованы формы слов: колдот 'крупный рогатый и мелкий скот, входящий в состав калмы', хскуна-хскунот 'недвижимое имущество', например, колоти айлоқи Ромит да фарбиғи-ш бӯҳо народа (П.). 'Скот, пасущийся на пастбищах Рамита, очень упитанный, Ускунот хамита мӯнд, хӯ-ш-а восилка каран (Р.). 'Все имущество так осталось, самого его выслали'. Можно предположить, что данные образования с -от, -т в рамитских говорах—явление, восходящее к древним иранским формам мн. числа¹⁷ и до нашего времени сохранившиеся в ягнобском языке, в котором форма мн. числа образуется присоединением к основе суффикса -т, при образовании же форм мн. числа от имен с исходом на -а последний гласный чередуется с гласным -о: хӯта 'сын', жӯтот 'сыновья'.¹⁸ Более полное освещение данного вопроса может быть получено в результате углубленного изучения топонимики Рамита, поскольку именно в топонимах довольно широко представлен формант -т. Данное языковое явление подтверждает наши предположения о генетических связях таджикских рамитских говоров с восточноиранскими языками, и в частности о ягнобским языком.

Основными средствами выражения категории неопределенности и единичности в рамитских говорах, как и в литературном таджикском языке, является артикль -о: хамуча-да боие шайид шудиги. Там погиб какой-то богач (Сор.), а также слова йак, ҳичи: йак кампир чарха мерасид Одна какая-то старуха пряла на прялке (Вис.) у кишлок ҳичи одам дора? В том кишлаке есть какие-нибудь люди? (Сор.).

¹⁷ Оранский И.М. Иранские языки. М., 1963, с.185-186; Боголюбов М.Н. Ягнобский язык. Языки народов СССР, т. I, М., 1966, с.346-347.

¹⁸ Хромов А.П. Ягнобский язык. М., 1972, с.18.

Имя прилагательное. Некоторые особенности прилагательных в рамитских говорах выявляются в способах образования степеней сравнения. Сравнительная степень в говорах образуется двумя способами: а) морфологическим — путем присоединения к основе суффикса -тар, как и в литературном языке, и его вариантов -та -тата (р.): не, Канаск дуртата(р)-ай (Соп.) 'Нет, Канаск подалше'; Яа одами шиноста боша 'Был бы более знакомый человек' (Д.); б) синтаксическим — посредством предложно-последнего сложного сочетания: ай(аа)---да, ай ... -ра//а: ма ай ту-ра пйр-ум (Соп.) 'Я старее тебя'; ай зан-уш-да оча-ш базетар-ай (Соп.) 'Его мать красивей его жены'.¹⁹ Превосходная степень прилагательного с суффиксом -тариц, как правило, употребляется в безизяжетной конструкции и стоит перед определяемым: балантариц ку(х) Сешоха-и (Соп.) 'Самая высокая гора — Сешохи', донотариц одами кишлоқ шумо---ие (Кох.) 'Вы умнейший человек в кишлаке'.

Широко распространены в говоре лексические способы выражения высшей степени признака предмета: а) путем редупликации прилагательного с видоизмененным и усеченным первым компонентом: шип-ширин 'сладкий-пресладкий', сип-сихат 'здоровый-прездоровый'; б) изящными словосочетаниями: фарбийи бад 'очень толстый', буку-ватти махкам 'очень сильный', хунуки ихчиков 'очень холодный', букв. 'холодный', подобно ледяной воде', тези котил 'очень острый' (о кушанье) букв. 'убийственно острый'. Эти сочетания по своему характеру весьма метко и выразительно характеризуют признак предмета и придают речи особый диалектный колорит.

Заслуживает внимания суффиксальный способ выражения малой или слабой степени признака предмета. В рамитских говорах имеют место суффиксы, но известные в литературном языке, например: -ваш, -лиш, -дем, васэ,²⁰ -ча+васэ, -чов: куутлиш/куутлем (лит. кабудтоб) 'зеленоватый', 'синеватый', зардчов/зардчавасэ 'желтоватый', сурхвасэ 'красноватый', зарваш 'желтоватый'.

Словообразование имен существительных и прилагательных.

Способы и система словообразующих средств в изучаемых говорах та

¹⁹ Выражение сравнения путем предложно-последнего сложного сочетания ай... -а//ра широко распространено в Кулябских и рамитских говорах.

²⁰ Перечисленные способы лексического выражения высшей степени признака широко распространены в южных говорах таджикского языка.

же, что и в литературном таджикском языке. Производные имена образуются также двумя основными способами: посредством аффиксации (суффиксации и префиксации) и сложения основ, распространен также смешанный способ - сложно-аффиксальный. В рамитских говорах не распространен и непродуктивен способ аббревиации. На диалектной почве образований аббревиатур не происходит.

Система именных словообразующих суффиксов в рамитских говорах, как в отношении состава, так и в отношении степени продуктивности тех или иных суффиксов несколько отличается от литературного языка. Наряду с общетаджикскими суффиксами в говорах употребительны некоторые диалектные суффиксы, а также суффиксы, обладающие в говорах некоторыми функциональными особенностями, к ним можно отнести следующие: -акӣ, -вара/-бара, -а, -ик, -ок, -истӯн, -ӣ, -ино, -дох/-доғ. Из них суффиксы -вара -бара -а, -ӣ, -гӣ, -ак образуют как существительные, так и прилагательные. Суффиксы, образующие имена прилагательные: -ин, -инг, -о, -ман(д) -бод, -ангӣ, -ала, -кин, -ланг, -алазӣ, -гӯҷ, -ӯта. Посредством префиксов ба-, бар-, бе-, но- образуются прилагательные.

Круг употребления некоторых перечисленных выше суффиксов и префиксов в говоре шире, чем в литературном языке, в частности суффикса -гар со значением деятеля - ср. фӯрӯшгар (лит. фурӯшанда) 'продавец', табибгар (лит. табиб) 'лекарь', сайгар 'посредник' (лит. миёнарав), кулолгар 'гончар' (лит. кулол), - и префикса но-, который в говорах широко распространен, образуя прилагательные с отрицательным значением от существительных и причастий: нохӯш 'плохой, нехороший', ноошобаста 'неполитный' (о земельном участке).

Образование слов путем сложения, как и в литературном языке, осуществляется двумя путями: с сочинительным отношением компонентов и подчинительным. Сложение основ может быть непосредственным, например: кажбӯта 'вил охоты на куропаток', лиқӣёсом 'сгущенное молоко' и посредственным - при помощи соединительных элементов: зарошӯшта 'холмистая земля', гамбемор 'болезнь от тоски', сӯр-хосафод 'резовый', хошоҳой 'жавание' и т.д.

Ч и с л и т е д ь н ы е. Диалектные особенности количественных числительных выявляются в фонетическом облике их, например, аф (лит. хяфт) - 7, понузда (лит. поназдаҳ) - 15, в числе -

нии их сочетаниями со словами кам: Йа кам бист букв. 'на один меньше двадцети - 19', в сохранении следов двадцатиричной системы счета: дү бист 'два по двадцать - 40'.

М е с т о и м е н и я. Личные местоимения рамитских говоров Вистана и Сорво несколько различаются между собой:

Говор Вистана		Говор Сорво	
Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1. ман//ма	мо//мохо(н)	ман//ма	мо//мохо
2. тү шүмо	шүмо//шүмохо(н)	тү	шүмо//шүмохо
3. вай//хавай, и(н), шон	вай//хавайо, ино	вай//хавай, и(н), шүн	вай//хавайо, шүн//ухо, ино

В говоре Вистана в обращении к старшему, к гостю иногда наряду с местоимением тү 'ты' употребляется из чувства уважения местоимение шүмо 'вы'. В говоре Сорво местоимение шүмо употребительно только для II л. мн. ч., а в функции местоимения III л. ед. числа имеет стилистическую окраску уважительности, почтения. Местоимение шон по своему назначению идентично сочетанию он кас букв. 'то лицо, они'.

Местоименные энклитики, широко употребляющиеся в рамитских говорах, в формах множественного числа различаются по говорам:

Говор Вистана		Говор Сорво	
Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1. -үм-ам-и	-мон	-үм-ам-ы	-мүн-мон
2. -үт-ат-т	-тон	-үт-ат-т	-түн-тон
3. -үш-аш-ш	-шон	-үш-аш-ш	-шүн-шон

В функции объекта, присоединяясь к глаголу, местоименные энклитики принимают следующие формы:

Говор Вистана		Говор Сорво	
Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1. -ман-үм-ы	-мона//-амона	-ман-үм-ы	-мүна//-мона
2. -та-үт-т	-тона//-этона	-та-үт-т	-түна//-тона
3. -па-үш-ш	-мона//-амона	-па-үш-ш	-шүна//-шона

В диссертации детально анализируются грамматические особенности местоименных энклитик, их функции и значение, а также приводятся характеристика диалектных особенностей и других рядов

местоимений: указательных, вопросительных, неопределенных, отрицательных. Определительно-возвратное местоимение хӯд 'сам' в рамитских говорах употребляется только в сочетании с местоименными энклитиками и, подвергаясь сильному сокращению, имеют следую-щую парадигму:

Гов. Вистана		Гов. Сорво	
Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1. хӯ-м (лит. худам)	хӯ-мон (лит. худамон)	хӯ-м	хӯ-иӯн мон
2. хӯ-т (лит. худат)	хӯ-тон (лит. худатон)	хӯ-т	хӯ-тӯн тон
3. хӯ-ш (лит. худаш)	хӯ-шон (лит. худашон)	хӯ-ш	хӯ-шӯн шон

Глагол. В изучаемых говорах глагол, как и в литературном таджикском языке, представляет собой грамматический класс слов с весьма развитой системой форм и средств их выражения. В диссертации с возможной полнотой представлены грамматические категории, характерные для глагола (в пределах диалекта): лица, числа, залога, наклонения и времени и формы выражения их. На основе обширного иллюстративного полевого материала дана характеристика основных разновидностей системы глагола: спрягаемых личных форм и неспрягаемых глагольных форм: инфинитива, причастия и деепричастия.

Особенно выделяются в работе материалы, характеризующие диалектные особенности строения глагола, состава его форм (основ, различных типов глагольных флексий и формообразующих префиксов), а также специфику глагольного словообразования.

Основы глагола. На фоне общего сходства глагольных основ рамитских говоров с основами глагола в литературном языке наблюдаются некоторые отличия, свидетельствующие о реликтах архаических явлений, сохранившихся в отдельных селениях в речи только старшего поколения. Например, в говоре Вистана основа настоящего времени глагола пӯхтад 'сварить' вместо общетаджикского паз- в единичных случаях употребляется в форме пӯх-:пӯхам (лит. пази);²¹

²¹ Подобное явление у большего количества глаголов засвидетельствовано в таджикских говорах, распространенных в северо-восточной части Бостандикского района Уз. ССР в бассейне правого притока реки Некем (См. К.Т. Тагирова. Таджикские говоры Бостандикского района Узбекской ССР. Сталинабад, 1959, с. 36).

в говоре Сорво основа прошедшего времени глагола кардан 'делать'
кар//кунд; карум (лит. кардам); карудум (лит. карда будам); кор
каровдум (кор карда истодаам); шапошан кундан 'они дрались'.

Личные глагольные окончания (присоединяемые к формам, образующимся от основы настоящего времени).

	Ед. число	Мн. число
1.	-ум//--ам	--ем
2.	--й	--е(д)
3.	--а(д)	--ан

Следует отметить, что сходные с литературными окончаниями -ад (III л. ед. ч.) и -ед (II л. мн. ч.) в обиходной речи употребляются редко.

Предикативные личные связки в рамитских говорах имеют несколько вариантов, употребление которых зависит от исходного звука слова, к которому присоединяется связка.

	Ед. число	Мн. число
1.	-ум(хастум)//-(а)стум	-ем(хастем)--(а)стем
2.	-й(хастй)//-(а)сти	--е(д)(хастед)--(а)сте(д)
3.	--ай(хастай)//-(а)стай	--ан(хастан)--(а)стан

Личные окончания перфектных форм

Говор Вистана		Говор Сорво	
Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1.	-йнам//--умн//--ан	-ам//--ум	--ам//--нем
2.	-й//--ий	--е(д)//--ие(д)	--е//--ие
3.	--а(н)	--ан	--ан//--ан

Формообразующие глагольные префиксы по своим грамматическим значениям не имеют каких-либо существенных отличий от литературного языка, отличия выявляются в звуковом облике префиксов. В говорах имеются следующие фонетические варианты: би-//ба-, ме-//мо-//ле-, на-//но-, например, а также другим таджикским диалектам. Ср. рамитские: буррафт//барафт (бифафт); могум//мегум (могум); кор екунум (кор мекунам), нома (наомад).

Глагольный суффикс -ак//-аг характерен для говора Сорво. Присоединяясь к форме III л. ед. ч., суффикс -ак//-аг употребляется с формами простого прошедшего, длительного прошедшего и прежде-

прошедшего: рафтаи, мерафтак, рафта бӯдак. В говорах суффикс -ак имеет видовое значение, придавая глагольной форме оттенок законченности и однократности действия.

Наклонения и времена. Система глагола в рамитских говорах, если следовать классификации, разработанной В.С. Расторгуевой, более всего сходна с центральным типом таджикской диалектной системы глагола,²² но несколько отличается от нее тем, что в рассматриваемых говорах не три наклонения, а четыре, а именно: изъявительное, повелительное, сослагательное и предположительное. Отличие рамитских говоров от других таджикских говоров определяется особенностями стяжения сложных (составных) глагольных форм, как спрягаемых, так и неспрягаемых.

Изъявительное наклонение включает в себя следующие видо-временные формы: 1. простое прошедшее время (рафтӯм), 2. длительное прошедшее время (мерафтӯм); 3. преждепрошедшее (рафтӯдум рафта бӯдам); 4. настоящее длительное время: тип I: а) рафсодиям рафта истодаам (в говоре Вистана), б) рафтосиям рафтостӯм (в говоре Сорво); тип II: а) рафтаи дорӯм или рафта ховӯм (в говоре Вистана)²³; 5. прошедшее длительное время. тип I: рафтесоуд, тип II: рафтаи дошт, тип III: рафта хов бӯд; 6. настоящее-будущее время: мерӯм. Префикс ме-, образующий формы настоящего будущего времени, имеет фонетические варианты (с отдельными глаголами) мерӯм/могӯм, мерӯм/мохӯм.

Перфектные формы. В состав перфектных форм в рамитских говорах входят следующие: 1. простое прошедшее: дидаиам/дидаиӯм дидаам; 2. прошедшее длительное: медидиам/медидиӯм медидиам (в говоре Вистан), медидам/медидиӯм (в говоре Сорво); 3. преждепрошедшее: дидаиам/дида бӯдаиам дида бӯдааст; 4. преждепрошедшее, длительное: медидиам/медиди бӯдаиам медиди бӯдааст.

В говорах распространены перфектные формы со вторичными глагольными связками, получившими название перфект II: хов бӯдаст редар хов бӯдааст 'вы, оказавшаяся, спали' (в говоре Сорво).

²² Расторгуева В.С. Опыт ..., с. 106.

²³ Глагольные формы со вспомогательным глаголом доштан засвидетельствованы в диалектной речи таджиков некоторых районов. См. И. Саидова. Говор таджиков Шаартуза. АҚД Душанбе, 1965, с. 11-12, а также в таджикском языке ягнобцев. См. А. Л. Хромов. Историко-лингвистическое исследование..., с. 38.

Поскольку совершенным формам в рамитских говорах более свойственно их старое традиционное значение результативности, и оно является доминирующим, данные формы в изучаемых говорах, в отличие от северных, в которых они более усложнены и "... выдвинулись на уровень особого наклонения - неочевидного",²⁴ остались в рамках изъявительного наклонения.

Повелительное наклонение. Формы повелительного наклонения в изучаемых говорах от основной массы глаголов образуются без префикса би-: хур'ешь', гир'возьми', шин'сядь', рав'иди' и т.д. Префикс би- употребителен основами глаголов: омадан-бийо, овардан-бийор, истодан-бест.

Сослагательное наклонение. Это наклонение включает четыре видовременные формы: 1. настоящее-будущее время (ворист): равун < раван; 2. прошедшее время: рафтошун / рафта бошун; 3. длительная форма: мерафтошун / мерафта бошун; 4. настоящее-прошедшее время: рафтеса / рафтоза бошун < рафта истода бошам.

Предположительное наклонение. Это наклонение представлено тремя формами: 1. прошедшее время: рафтагистун; 2. настоящее-будущее время: мерафтагистун; 3. настоящее определенное время: рафсодагистун < рафта истодагистан и рафтан доштагистун.

Глагольные формы в пределах соответствующих наклонений, как по своим функциям, так и в употреблении характеризуются рядом особенностей и диалектных отличительных черт, определяющих специфику рамитских говоров. Все эти особенности с достаточной полнотой освещены в диссертации.

Неспригаемые глагольные формы представлены в рамитских говорах инфинитивом, причастно-деспричастной формой на -а (рафта, хонда), причастием с суффиксом -гй (рафтигй, хондигй).

Следует отметить, что в рамитских говорах весьма широкое распространение имеют причастия на -гй, что является весьма существенным признаком изучаемых говоров сравнительно с южными говорами.

Существенной особенностью изучаемых говоров является довольно частое употребление в них архаического причастия на -т.

²⁴ Расторгуова В.С. Опыт..., с.107.

-д. в глагольных сочетаниях, обычно соотносящихся с будущим временем: мегиран-ӯш бӯрд 'его возьмут поведут'. В этом отношении рамитские говоры сближаются с говорами промежуточной группы, где также указанная форма причастия имеет широкое распространение.

Специальный раздел диссертации посвящен характеристике способов глагольного словообразования. Особо выделяются модели и типы, характерные для изучаемых говоров. Так отмечены особенности глаголов, образованных префиксальным способом, и нормы их употребления в диалектной речи. В говорах отмечается относительная автономия префикса и возможность отрыва его от глагольной основы, ср. вамбӯро бар ки хестан, соҳиби хӯна-ра қазирбод каран 'пчелы как поднялись, хозяина дома разнесла'.

Представляют интерес некоторые модели сложных глаголов, состав компонентов которых имеет отличия от литературного языка. Таковы глаголы, образованные по схеме: деепричастие (настоящего или прошедшего времени) + вспомогательный глагол: гардон кардан 'вращать, заставить вращаться', гиришон кардан 'довести до слез', винохта кардан 'увнать'.

Сложно-деепричастные глаголы с глаголами модификаторами в рамитских говорах малоупотребительны, более распространены они в говоре Вистана.

Н а р е ч и е. В рамитских говорах, как и в общенародном таджикском языке, количество собственно наречий невелико. В говорах широко используются в адвербиальной функции другие части речи. В диссертации большое внимание уделяется характеристике наречий диалектного характера и их формо- и словообразующим средствам. Диалектные наречия типа: погло 'сплошь', хонҷанг 'тот час', Даккаш 'бесповстановчно', тару 'вниз лицом, личком', чиқа 'очень, чрезвычайно', пӯр 'много', а также образованные при помощи суффиксов -о, -ани, -и, хо, префиксов бар-, дар-, но- создают ряд тех диалектных отличий, которыми характеризуются рамитские говоры по отношению к литературному языку, и другим таджикским говорам. Примеры: росто 'стой': вани шӯевор орд-а росто мебеза 'женщина, которая не любит мужа, просеивает муку стоя' (Кох.); дор-он-ра харфакӣ мехӯна (лит. харф ба харф) 'персидский он читает по буквам' (Сон.); Сафарбек ногӯмон (лит. похост) омад 'Сафарбек подошел неожиданно' (Сд.).

Предлоги и послелоги. Состав предлогов и послелогов в рамитских говорах имеет некоторые отличия от литературного языка, которые выявляются в фонетическом облике их, например: бири (лит. баройи), ливи (лит. лаби); сейби (лит. сабаби), тини (лит. танай) и др., в различных функциях отдельных предлогов, а также в наличии предлогов, неупотребительных в литературном языке. Морфологический состав предлогов и послелогов, их классификация те же, что и в литературном языке. Основные послелоги в рамитских говорах: -а||-ра||-ро, -да, -бори, -вориц; отыменные: -бад, нас, кати -кити -ки.

Так, предлог ба||ба помимо пространственных значений выражает также отношение орудийности, а в сочетании с послелогом кати-совместность, что свойственно также южным и юго-восточным говорам. Широко распространены также в рамитских говорах предложно-послеложные конструкции. В говорах отмечено два типа соподнесенности предлога с послелогом: в одних конструкциях основное значение выражает предлог, послелог же носит вспомогательный характер, грамматически оформляя все сочетание: ай мурт-а губа пур омад 'лисиц набежало больше, чем птиц' (КО.), в других -- предлог и послелог сохраняют свое значение: да хавви дайре-да поофтаги 'бросили в омут (во внутрь) реки.'

В диссертации детально освещаются значения, функции и круг отношений, выражаемых предлогами и послелогам, особо характеризуются синонимика их и диалектные отличия.

С о ю з н. В рамитских говорах союзы, как по своему составу, так и по функциям, сходны с союзами, употребительными в северных и центральных говорах и довольно существенно отличаются от северных говоров. Отличия эти преимущественно фонетического характера, обнаруживаются они также в функциях и способах употребления союзов. Примеры: очу-ў баца мўл кор каран 'мать и они много работали' (Кох.); хўв, ки кўдрат хамица бўдай, нанноа мегаштўм мегаштўм 'хорошо, что здесь оказался Кудрат, а то я бы повернулся и ушел' (КО.); хойе пагон мегирем, хойе пагон мекинем 'или выиграем, или проиграем' (КО.). По морфологическому составу и значениям союзы в изучаемых говорах подразделяются на те же группы и ряды, что и в литературном языке.

Частицы. В рамитских говорах в повседневной бытовой речи засвидетельствованы частицы, которые по значениям своим представляют собой следующие группы: 1. вопросительные (чи, кӯ, кани/коле, айо, наин ки); 2. усилительные: (охӣ, -да, ҳам, -ам), -нам, хато, то хато-ра); 3. отрицательные: (не, найна); 4. утвердительные: (хо, оре, хуб, бале); 5. указательные (ха(и) ана, анака, анаха, ина, инаха, хайна, мана, ҳе(и)); 6. ограничительные: (фақат, танҳо, тоҷа). Примеры: тоҳато-ра салом надод-ш-а (НВ.) 'он даже не поздоровался с ней'; ҳов, хӯни, сӯрх бурӯма 'да, красная кровь появилась' (Сор.); тоҷа, на додар дора 'у него только один младший брат' (Д.), акӯ, чӯва иҷа мебанди-ш 'так зачем ты ее здесь привязываешь?' (Яф.).

Модальные слова. В диссертации особо выделена характеристика модальных слов, дан детальный анализ их значений и многочисленных смысловых и эмоционально-экспрессивных оттенков. С точки зрения состава и происхождения модальных слов, их можно подразделить в говорах на две основные группы: 1) общетаджикские модальные слова: магар, мабодо, даркор, эҳтимол и др; 2) диалектные модальные слова: магам, марам ки, қайта, бӣлло, вою, рара, шодо, афте ки (лит. гуё) 'как будто', албатара, рафта (рафту), зоро ки, ҳала (хай-ала), анде 'ладно', овчим и др. Примеры: шотиме ки бийоиа 'возможно, он придет' (Яф.); зоро ки, найгири ман шав 'может быть, меня заменит он' (Яф.); анде, пул-а гир-ӯ хар-а те 'ладно, бери деньги и отдай осла' (Катуч); хала, магазин-а кушо, иҷа чой гирем 'ну, открой же магазин, мы кунии сколько-нибудь чаю' (М.).

Междометия. В говорах Рамита помимо междометий, употребительных в общенародном таджикском языке, распространены междометия, свойственные диалектам и отличающиеся от литературного языка: 1) междометия, выражающие различные эмоции: обо, ай-ка, ай, воёе, вах и др.; 2) междометия, выражающие призыв, побуждение к движению или отгон животных, птиц, например, лошадь погоняют возгласом чӯ; подзывает - бех-бех, овца подзывает кӯр-ҳейт, отгоняют - иӯд, кур подзывает тӯр-тӯв, отгоняют - акши-киш, волов погоняют сош, сош-дирӯ.

Звуконеподражательные слова. Данные слова в лексическом фонде ремитских говоров занимают, как по употребительности, так и по разнообразию форм, определенное место. Звуконеподражательные слова в изучаемых говорах в большинстве своем отличаются от литературного языка не только фонетически, но и некоторыми морфологическими особенностями. В говорах засвидетельствованы также и чисто диалектные слова, которым в литературном языке соответствуют иные слова, например: кўрўп-кўрўп или кўрўпнас (лит. кумур-кумур) 'хруст', тарапнаст (лит. якбора, баробар) 'разом', одамо тарапнас гав мезанан 'люди говорят разом' (перебивая друг друга) (Ифрак); тинг-тинг (лит. диринг-диринг): тинг-тингойи рўбоб-ўш қонбевор кард-ма 'его треньканье на рубабе мне надоело' (Кох.).

Как и в литературном языке, в говорах звуконеподражательные слова обладают именными грамматическими категориями. Они могут принимать суффикс множественного числа, употребляться в сочетании с предлогами и послелогами. В качестве признака действия звуконеподражательные слова в речи выполняют функции наречий. В диссертации рассматриваются различные случаи синтаксического употребления данных слов.

Глава третья. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ

Словарный состав изучаемых говоров можно подразделить на две основные группы: слова общетаджикского фонда и собственно диалектные слова.

I. Общенародные-общетаджикские слова в составе лексики количественно преобладают и представлены следующими группами: 1) слова, по форме и фонетическому облику полностью совпадающие с литературными, например: бохтап 'просеивать', бўз 'коза', аан 'женщина', мард 'мужчина', санг 'камень', қўст-ў 'чолок' 'проворный, живой' и т.д.; 2) слова, звуковая оболочка которых отличается от литературного языка и подчинена фонетическим нормам говоров, например: аврўн (лит. эврўвон) 'брови', ўсўна (лит. эфсона) 'сказка', авла (лит. облаҳ) 'глупец' и др.; 3) слова, отличающиеся от соответствующих литературных некоторыми морфологическими особенностями, например: сўрхли, сўрхваш (лит. сурхчатоб) 'красноватый', варваш

вардваш 'желтоватый'; торонбара (лит. торонвор) 'выросли торона' (объедобная дикорастущая трава).

2. Диалектизмы - слова, ограниченные с точки зрения их территориального распространения по степени общности и дифференцированности употребления по говорам (внутри рамитских говоров), подразделяются на несколько видов: 1) слова, общеупотребительные во всех рамитских говорах; возвод 'особый вид плетеных горных лыж', шахдūt (лит. хасиб) 'колбаса', енагар 'кормилица', пирцанд 'только из тутовых сушеных ягод', санглар 'спрессованный помет коз и овец', чигез 'опора моста'; 2) слова, распространенные в отдельных говорах и свойственные одному из говоров: а) в говоре Вистана: васак 'чучело теленка', додо 'отец', бобо 'дед', момо 'бабушка', галанг 'каменная осыпь', рапа 'обладающий густой шерстью', адар 'остров', азлора 'уздечка', ара 'алебастр'; б) в говоре Сорво: вилинг 'виноградная лоза, вьющаяся по дереву', барбар 'окрестности, стороны', ово 'отец', ови 'дет', ови 'бабушка'.

Изучение словарного состава рамитских говоров, как результата длительного исторического развития, представляет большой интерес. Лексика этих говоров характеризуется тем, что основная часть словарного фонда представляет исконно иранские слова, многие из которых в современном таджикском языке, с точки зрения стилистического употребления, приняли архаическую или книжно-литературную окраску: гию 'цепкий', бобар 'бесплодный', пойидан 'быть прочным', таровидан 'сочиться', пайкон 'стрела', иористан 'осмеливаться', даф 'бубен', пūtк 'большой молот', в говорах же эти слова не имеют данного стилистического оттенка.

Часть слов этого разряда приобрела в говорах иное, чем в литературном языке значение: пайк 'собрание, собрание' (в литературном языке, преимущественно в поэзии, - 'вестник'), бодбарак 'полка; ниша' (в литературном языке - 'воздушный зной'), олидан 'соединиться, смешиваться' (о двух семейно-родственных группах - кавмах), - в литературном языке в значении 'вымазаться', 'смазаться' (с грязью, кровью), мард шудан 'выдавать' (о растении) (в литературном языке - 'возмужать', 'становиться мужчиной'), нова 'птица, не имеющая определенного места для кладки яиц' (в лит. 'пустой, напрасный') и др.

Особое место в лексике рамитских говоров занимает слова

восточноиранского характера, до сих пор бытующие в живых восточноиранских языках. Восточноиранские лексические элементы проливают свет на вопросы происхождения таджикского населения Рамита и связаны с историческими условиями формирования говоров данного населения. Количественно эти слова в рамитских говорах довольно многочисленны и заслуживают, конечно, особого специального изучения. К этим словам относятся такие, как: хаф (ягнобское хаф) 'пена'; авча//зоц (ягнобское зарча) 'роженица'; хоч (ягнобское хорч) 'вид грибов'; кутта (ягнобское кут) 'собака', пастушья собака; доц (шугнанское доц) 'одежда'; мак (хуфское мак) 'шея'; бурс (ваханское фурс) 'арча'; хур (ишкашимское хур) 'часть мельницы'; чигез (ягулемское хез) 'часть моста'.

З а и м с т в о в а н н ы е с л о в а. В лексике рамитских говоров, которым, как и всем таджикским говорам, свойственны примерно те же лексико-семантические процессы и связи, характерные для общетаджикского, в том числе и литературного, языка, помимо слов исконно таджикских имеются и заимствованные слова. Таковы заимствования из арабского, тюркских и русского языков. Наиболее заметны в словарном составе арабизмы, большая часть которых издается, как и в общетаджикском языке, стала неотъемлемой частью словарного состава говоров, часть слов арабского происхождения в настоящее время устарела и носителями говора воспринимается как архаизмы, например: тазрихот 'исторические события', аросв 'сельский староста', харам 'женщина или девушка, которая должна скрывать свое лицо от посторонних мужчин', сачаранма (арабо-тадж.) 'письменная родословная'. За годы Советской власти, особенно в последние десятилетия, происходит интенсивное заимствование слов из русского языка, обозначающих понятия из различных областей жизни: рентген < рентген, станция, пенсия, халиф < хлеб и др.

Ф р а з е о л о г и ч е с к и е о б о р о т ы. В изучаемых говорах, помимо устойчивых фразеологических сочетаний, выделяются неразложимые смысловыми единицами, обозначающими одно понятие типа: кид-ди аядан букв. 'попасть в ловушку', 'попасться', зафиксированы фразеологические выражения (сочетания), общий

смысл которых не соотносится со смыслом и значением слов, их оставляющих. Интерес представляют фразеологизмы, отражающие местные этнографические особенности, связанные с бытом и укладом носителей рамитских говоров: Иа хуртов хевондан 'поднять кого-либо на высокую должность'; чор пойа-йаг чигина 'что в лоб, что по лбу' (букв. четыре ножки - одни сани - волокуши); ба ними бери бурмадан 'незаметно удалиться' (букв. выйти осторожно, "осторожно", боком).

Характерны поговорки локального диалектного характера: бараква ай зей-эй 'благодарить в семье от женщины'; ай хўби-йо под, ай бадийо под 'добро оставляет добрую память, зло - недовольство'; хўт хўри Коху рав, ван хохи - Арху 'если хочешь тутовых ягод, иди в Коху, если хочешь жену - в Арху' (Коху, Арху - названия рамитских селений).

Следует отметить, что лексика рамитских говоров в ряде случаев отличается значительной выразительностью и меткостью в обозначении тех или иных понятий. Ряд слов заслуживает быть введенным в обиход общенародного и в том числе литературного языка. Например, такие слова, как: ширкином 'сгущенное молоко', равбемор 'удрученный горем' (букв. большой от горя); парбоха 'молодой побег на выохшем дереве'; чафидан 'отжимать, выжимать' (мокрое белье) и др.

В данной главе нами рассматриваются также и материалы по топонимике²⁵ Рамита, характеризующейся своей общностью с топонимами районов Верхнего Зеравшана и Ягноба. Сходство выявляется в использовании одних и тех же формантов, образующих топонимы, например, -ифи-эф (Ийчеф, Азриф), -е (Канте, Йобико), -рўт (Панкрўт, Гижрўт).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении диссертации приводится перечень основных черт, присущих рамитским говорам и позволяющих их объединить в особую группу. Рассматривается отношение рамитских говоров к основным группам говоров таджикского языка и в связи с этим определяется место изучаемых говоров в системе таджикских диалектов.

Общие отличительные черты языкового комплекса рамитских

²⁵ К разделу лексики относят топонимику и другие исследователи, см., например, Махсудов Темур. Лексика и фразеология исфаринских говоров таджикского языка. АКД, Душанбе, 1972, с. 16-17.

говоров выявляются как в фонетике (наличие в составе вокализма гласного заднего ряда - у; гласного переднего ряда реликтового й долготы; особые типы фонетических явлений: чередования: зона < зону, зора < зорй; ассимиляции: шудиги < шудагй; куут < кабуд и др.; ударение на первом слове в ряде топонимов, на основе глагола в префиксальных формах (так и в морфологии) показатель мн.ч. -т; оформление имени двумя показателями мн.ч.: зав+он+о 'женщины'; наличие диалектных словообразующих суффиксов: -алазй, -ута, -гуч; видовременные глагольные формы с вспомогательным глаголом: хов будан: рафта хов-ум 'я иду' (в данный момент), рафта хов будум 'я шел' (в определенный момент в аспекте прошедшего времени); глагольные конструкции с архаическим причастием на -т, -д (причастие рафт закономерно употребляется с приставкой бу-би-: метузарат буррафт); образование наречий посредством суффикса -о: росто стоя, дидано заметив.

Наиболее ярко выделяются черты, свойственные рамитским говорам в лексике и топонимике, о чем достаточно подробно изложено в соответствующем разделе диссертации.

Различия между основными рамитскими говорами Сорво и Вистан относительно незначительны. Анализ материалов выявляет, что ряд языковых черт являются общими для обоих говоров, но в одном из говоров они более широко распространены и употребительны, а в другом меньше.

Говор Вистана территориально смыкается с центральными верхнезеравшанскими говорами и в нем заметнее наличие форм и явлений; сближающихся с центральными говорами, в говоре же Сорво ряд этих явлений либо отсутствует, либо имеет иную трактовку.

Смертятся различия в топонимике. Так, на территории распространения вистанского говора в изобилии встречаются топонимы и микротопонимы, сходные по происхождению, структуре и топоформантам с теми, что употребительны в бассейне верхнего течения Зеравшана и в Итнобе. На территории, где бытует говор Сорво, характерны топонимические наименования другого типа.

Рамитские говоры по своей структуре наиболее сходны с говорами центральной группы (в частности, с верхнезеравшанскими). Общность их проявляется на всех языковых уровнях: в фонетической системе, в строе морфологии и в лексике. Единство их структуры

11782

осаируется на ряде детально охарактеризованных в диссертации черт не только общетаджикского характера, но и собственно диалектного уровня.

В отношении южных говоров, непосредственно соседствующих с рамитскими (особенно с говорами Сорво), также наблюдается известное сходство, которое проявляется как в фонетической системе, так и в грамматическом строе этих говоров.

Рамитские говоры характеризуются рядом черт, сходных с говорами гиссарского круга, но в гораздо меньшей степени, чем в южных.

Таким образом, сопоставление системы обследованных рамитских говоров с системами основных групп говоров таджикского языка позволило прийти к следующим выводам:

1. Рамитские говоры представляют собой особую группу и, по принятой в классификации таджикских говоров терминологии В.С. Расторгуевой, могут быть определены как рамитский диалект в составе центральной (промежуточной) группы.

2. По своей структуре и месту в системе таджикских диалектов рамитский диалект, распространенный на стыке трех диалектных массивов таджикского языка (центрального, южного и северного), являет собой тип переходного диалекта, в котором черты, свойственные данному диалекту, сочетаются с чертами, свойственными центральным говорам, частично южным и в меньшей степени северным говорам таджикского языка.

Основное содержание диссертации нашло свое отражение в следующих статьях автора (на таджикском языке):

1. Поиски сокровищ народной речи. - "Садои Шарк", № 1, 1970, с. 138.
2. Предлоги и послелоги в рамитском говоре. - В кн.: Вопросы таджикской диалектологии, вып. I, изд. "Дониш", Душанбе, 1970, с. 65-98.
3. Заметки по лексике рамитского говора. Там же, с. 170-177.
4. Некоторые лексические особенности рамитского говора. - В кн.: Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых и специалистов Таджикской ССР (секция языка и литературы). Изд. "Дониш", Душанбе, 1974, с. 15.
5. Способы выражения множественности существительных рамитских говоров. - В кн.: Таджикское языкознание. Изд. "Дониш", 1977, с. 148-154.